

Русская тактика была существенно иной, поскольку вместе с пехотой шла артиллерия.

Как только шведы подошли на достаточно близкое расстояние, сразу же раздалась канонада русской артиллерии. Вначале стреляли ядрами, вырывая из шведских рядов окровавленные тела, затем, когда расстояние сократилось до 200 метров, в дело вступила картечь. Наступил решающий момент битвы, поскольку теперь уже свинцовый ураган русских пуль и осколков "сеченого железа" нещадно косил шведские ряды. Но шведы упрямо шли вперед, стремясь, как это было предписано уставом и многократно опробовано в боях, добраться до противника и перейти в штыковую атаку. Энглунд Петер в своей книге приводит воспоминания свидетелей этих страшных, незабываемых минут: *"Драбантский писарь Нурсберг вспоминал: «метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если бы они с небес градом сыпались».* Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка Юханнес Шёман говорит, что огонь русской артиллерии был чудовищный и «доселе неслыханный» и что «волоса вставали дыбом от грома пушек и картечных орудий залпов». Один из присутствовавших на поле боя зрителей, прусский подполковник и тайный советник Давид Натанаэль Зильтман, который следовал за шведской армией в качестве наблюдателя, писал домой, явно ошеломленный сражением: *дескать, огонь русских был настолько силен, что у него слов не хватает описать его; он также сравнил обстрел с градом".*

Пушкин в своей "Полтаве" так поэтически изобразил картину боя:

*В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,*